УДК 316.258

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: УСЛОВИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

А.Ю. Рыкун

Томский государственный университет
E-mail: blackstne@mail.tomsknet.ru

Статья посвящена новым направлениям социальной теории: теории структурации Э. Гидденса и гендерно-сенситивной социологии Д. Смит. Эксплицируются условия систематизации социальной теории последней четверти двадцатого века.

Анализ условий систематизации построений в области социальной теории второй половины XX века осуществляется с различных позиций. В предлагаемой статье это делается в контексте различения "классического" и "неклассического". Термин "неклассическая" использованный в заголовке указывает на нетождественность классике в номинальном значении последней, то есть тому типу теоретизирования, который концептуализировался в работах авторов, позиционируемых значительным числом исследователей в качестве классиков социологии и социальной теории (наиболее распространённый список включает "великую тройку", Маркса, Дюркгейма и Вебера, и, хотя это, пожалуй, единственный общепринятый перечень, по крайней мере, само выражение "великая тройка" понимается социологическим сообществом инвариантно, сам термин "классики", равно как и его темпоральную, а в известной степени и спациальную локализацию можно считать принятой). Направления социального теоретизирования, которые автор предполагает рассмотреть в статье отличаются от классических не только во временном отношении. Будет предпринята попытка эксплицировать их содержательные отличия, а также выявить некоторые черты их сходства между собой. Разумеется, объём сравнительно небольшой научной статьи не позволяет в полной мере реализовать заявленную попытку систематизации. Речь может идти о том, чтобы обозначить некоторый её условия. Также следует отметить, что отличия работ, названных здесь "неклассическими", по-видимому, не имеют характера систематического противопоставления классической социальной теории. "Неклассический" здесь не значит "антиклассический", развёрнутая полемика с классиками отсутствует, хотя, например, в случае Э. Гидденса наличествует стремление от них дистанцироваться.

В краткой формулировке специфические черты новой социальной теории следующие. Это стремление к совместимости с различными парадигмальными подходами, которое, в свою очередь, повышает инструментальную ценность теоретических построений, то есть ценность для конкретного исследовательского проекта (вообще интересующими нас авторами теоретизирование не воспринимается как самоцель), это стремление к снятию или разрешению традиционных социологических дуализмов, например, между структурой и действием (это делается как через нетрадиционную для классической социологии интерпретацию понятий "структура" и действие (участие), так и через введение понятия "практика"), контекстуализацию исследовательской деятельности, а также установку на диалог с объектами исследования, то есть информантами (именно это слово предпочитают сами исследователи, обозначая тех, кому посвящены их работы) и присущим им социальным знанием. Наиболее отчётливо данные черты проявляются у таких авторов как Э. Гидденс, П. Бурдье, Ю. Хабермас, И. Гоффман, Д. Смит, Д. Ливайн и Р. Коллинз.

Мы остановимся на Э. Гидденсе, поскольку в его работах заявленная выше программа реализована наиболее развёрнуто, причём в форме метатеоретизирования, в отличие, например, от работ П. Бурдье. Кроме того, подобный выбор сделан и вследствие большей доступности его работ для автора статьи, не владеющего немецким языком и не имеющего возможность на достаточном уровне работать с текстами другого величайшего метатеоретика современности – Ю. Хабермаса. Вторым теоретиком будет Д. Смит, которая помимо названных программных компонент предлагает рекомендации, направленные непосредственно на эмпирическую исследовательскую деятельность.

Статус социолога в современном мире предполагает, что социологическое знание – это знание, способствующее более адекватному пониманию социальных процессов всеми заинтересованными участниками. Но как возможно создание такого знания, а также публичное восприятие его легитимности и операциональности в ситуации борьбы социологических школ, характерной для современной социологии? Очевидно, что подобное конструирование неотделимо от создания синтетической теоретической концепции или, по крайней мере, концепции совместимой с ключевыми социологическими парадигмами. Понимание необходимости единства значимости социологии для публичного дискурса, с одной стороны, и необходимости выработки оснований для внутридисциплинарного теоретического синтеза, с другой, проявилось у целого ряда современных социологов. Однако наиболее отчётливо артикулировал необходимость такого единства крупнейший Британский социолог и политический деятель Э. Гидденс.

Усилия Гидденса сосредоточены на построении "синтетической" теоретической концепции. Гидденс не стремится к созданию жёстко интегрированной "системы", подобной парсонианской. Вмес-

то этого он стремится предложить социологическому сообществу набор сенсибилизирующих концептов, которые могли бы быть полезны как в социальном анализе в целом, так и в прикладных социальных исследованиях в частности [1. С. 326]. Последнее обстоятельство представляется принципиальным, поскольку британский теоретик предполагает, в лице разрабатываемой им теории структурации создание такого методологического инструментария, который исследователь может задействовать как в целом, так и по частям тогда и так, когда и как он считает полезным для своего частного исследовательского проекта, придерживаясь, при этом позиции, которую можно охарактеризовать как попытку "честного эклектизма", поскольку она заимствует определённые аспекты других теорий и перерабатывает их в собственных целях.

В таких работах как "Конституирование общества", "Новое изложение метода социологии" а также "Социальная теория и современная социология" Гидденс утверждает, что исследователи, работающие в области социальной теории, должны обратить своё внимание в первую очередь на человеческое бытие и человеческое действие, социальное воспроизводство и социальную трансформацию. По мнению Гидденса, исследователи поглощены эпистемологическими проблемами в ущерб проблемам онтологическим. Гидденс считает, что это обусловлено тем, что сторонники различных теоретических позиций заняты, прежде всего, защитой своего собственного пространства в социальной теории.

Гидденс указывает, что социальной теории не следует чрезмерно концентрироваться на проблеме валидности знания или на видах доказательств за и против той или иной теории или объяснений. Вместо этого необходим теоретический анализ актуального (фактического) поведения и социального опыта и способов преобразования людьми социальных обстоятельств. Однако Гидденс предостерегает и от "возврата к безмозглому эмпиризму" [2. P. 57], поскольку "хотя не все дебаты, происходящие в социальной теории оказывают действенное влияние на практику социального исследования, возможно, показать, что вопросы, поднимаемые социальной теорией, нередко касаются глубинных аспектов задач, разрешаемых эмпирическими исследованиями" [2. P. 57].

Ядро концепции Британского автора, то есть теория структурации, касается чрезвычайно широкого круга тем: природы повседневного взаимодействия, развития национальных государств и гражданских прав, классового анализа, эволюционных теорий общества, природы современности, войны и т.д.

Наиболее полное изложение теории структурации содержится в работах "Новое изложение метода социологии" [3], название которой вызывает ассоциации с программным произведением Э. Дюркгейма, а также в "Конституировании общества" [1]. Обе работы были восприняты с большим энтузиазмом отчасти из-за того, что в это время в социологии как никогда ощущалась потребность в концепции, которая была бы способна придать связность и единство дисциплине. Усилившееся с середины 60-х годов XX века разочарование в ортодоксальной социологии (парсонианском структурном функционализме), доминировавшей с 40-х годов, привело к тому, что в качестве оппонентов ортодоксии заявили о себе самые разные школы мысли, в особенности – "конфликтная теория", радикальный марксизм, феноменологические и интеракционистские подходы. Однако, несмотря на появление целого ряда альтернативных точек зрения и бурные дебаты, консенсуса по поводу целей, аналитических процедур и методов социологии достичь не удалось. Каждая из концепций претендовала на трон поверженного парсонианства. Именно в этих условиях Гидденс формулирует основные положения теории структурации.

Разворачивая свою концепцию, Гидденс стремится сочетать некоторые элементы новейших интерпретативных форм социологии с более традиционными "структурными" формами (в терминологии Гидденса, с "институциональным анализом"). Вместе с тем, реализуя такую стратегию, он в ряде существенных положений отходит от ортодоксальной структурной версии. Гидденс отвергает три элемента традиционной "структурной" социологии. Во-первых, Гидденс не считает, что социология должна заимствовать модель естественных наук. Он считает, что нельзя говорить об универсальных "фактах" социальной жизни. Человеческое поведение невозможно предсказать с точностью, возможной в естественных науках, поскольку оно варьируется в соответствии с интенциями и целями людей, а также исторически изменяющимися смыслами. Если какие-либо обобщения относительно социальной жизни вообще возможны, то их следует ограничивать конкретным временем, местом и обстоятельствами [4].

Во-вторых, Гидденс отвергает идею структурных сил, которые "извне" оказывают принудительное и детерминирующее воздействие на поведение. Гидденс называет такую позицию "объективизмом". Влияние "объективизма" обусловлено упомянутым пониманием социологии как науки, призванной формулировать законы социальной деятельности, "сходные по своему статусу с естественнонаучными законами" [5. С. 47]. Объективизм проявляется через перечисленные ниже форм, которые он отвергает:

1. Гидденс утверждает, что представление о существовании независимого (объективного) предмета социологического исследования, подобного "социальным фактам" Дюркгейма или структурам, или системам, или даже "институтам", должно быть отвергнуто и заменено идеей о том, что центральное место в социальном анализе должны занимать мотивы или мотивации людей [3. С. 168].
2. Безличный, дистанцированный подход к социальному анализу означает неспособность увидеть, учесть наличие взаимодействия, взаимного влияния между исследователем и исследуемым. Между тем социолог в той же мере является частью социальной жизни, как и те, кого он изу-

чает. Как следствие, социологическое знание "взаимодействует" с "обыденным", непрофессиональным знанием (включая знание "здравого смысла"), и это следует учитывать [3. С. 169].

3. Социальное поведение должно "интерпретироваться" социологом, а это с необходимостью предполагает гораздо большее участие, вовлечённость в дела изучаемых, чем может предполагать понятие объективного исследователя. Для того, чтобы иметь возможность ссылаться на мотивации и смыслы, присущие обследуемым, социолог как субъект должен быть способен их воспринять [3. С. 169–170].

В-третьих, Гидденс отвергает "функционализм", понимая данный термин не только в связи с персоной и трудами Т. Парсонса, но как гораздо более широкое направление, включающее множество других сторонников. Гидденс полагает, что в качестве ортодоксии, доминировавшей в течение двух десятилетий, функционализм шёл рука об руку с натурализмом, то есть ориентацией на естественнонаучный образец и объективизмом.

Данной парадигме противостоят "интерпретативные", в терминологии Гидденса, школы мысли, то есть этнометодология и феноменология. Исходным пунктом анализа для них является индивид или субъективность. Всё, что находится вне субъективного опыта, вне индивидуальной деятельности и смыслов, не является релевантным для понимания социальной жизни. Наличие двух названных блоков социальной мысли привело к образованию "трещины" в здании социального анализа, которую нужно устранить, поскольку в противном случае движение в противоположных направлениях не закончится никогда. Гидденс стремится преодолеть соответствующие разделения и положить конец "имперским попыткам", имеющим место под флагами соответствующих позиций.

Отвергая дуализмы, связанные с названными выше парадигмами, прежде всего дуализм "структура-действие (участие)", Гидденс предлагает мыслить в терминах "дуальности структуры". Он полагает, что речь должна идти не о двух отдельных и противоположных друг другу явлениях, а об одном, в данном случае – о структуре, которая имеет двойственную или дуальную природу. В такой формулировке структура оказывается внутренне связана с действием и наоборот. В этой связи Гидденс говорит: "Строение агентов и структур нельзя представлять как два независимо заданных ряда явлений, т.е. как дуализм. Это дуальность. В соответствии с понятием дуальности структуры структурные качества социальных систем являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно организуют. Структура не является "внешней" по отношению к индивидам: как отпечатки в памяти и то, что проявляется в социальных практиках, она в определённом смысле скорее "внутренняя", чем внешняя по отношению к деятельности индивидов (в терминах Дюркгейма). Структуру не нужно приравнивать к принуждению, она не только принуждает, но и даёт возможности" [6. С. 61].

Таким образом, две стороны, структура и участие (действие) связаны посредством социальных практик-действий, которые люди совершают регулярно и которые составляют социальную ткань их жизни. Именно социальные практики Гидденс считает важнейшим объектом социального анализа. Практики являются частью "дуальности структуры", поскольку состоят как из действия, так и заключают в себе структурный элемент. Именно в этой связи Гидденс утверждает, что структура не является "внешней" по отношению к действию. Она, в некотором смысле, скорее является "внутренней" по отношению к потоку действия, которое конституирует данную (исследуемую) практику.

Дуальность структуры является стержнем теории и является основой, на которой могут быть преодолены другие дуализмы социальной теории. Это понятие позволяет разрешить проблему социального производства или воспроизводства. Социальное производство связано со способами производства социальной жизни, которое осуществляется людьми посредством их участия в социальных практиках, образующих субстанцию их жизней и социального опыта. Это положение указывает на связь с интерпретативными школами социальной теории.

В своих поздних работах "Последствия современности" и "Трансформация Интимности" Гидденс сосредоточивает своё внимание на проблеме самоидентичности в эпоху позднего модерна. Тем самым он "достраивает" теорию структурации в сфере анализа человеческой личности, то есть обращается к проблематике, достаточно слабо представленной в его ранних работах. Гидденс говорит о так называемой "рефлексивной природе самоидентичности". Речь идёт о том, что в современном мире самость (*self*) постоянно пересматривается в свете меняющихся обстоятельств, прежде всего макросоциального характера. Так, комментируя необыкновенно широкое распространение аддиктивности в современных обществах, Гидденс объясняет это следующим образом: "в рамках посттрадиционного порядка, сценарий самости должен действительно постоянно перерабатываться, а жизненно-стилевые практики согласовываться с ним, если индивиду необходимо совмещать личную автономию с чувством онтологической защищенности. Тем не менее, процессы самоактуализации очень часто неполны и ограничены. Поэтому неудивительно, что аддикции потенциально имеют столь изменчивую природу. Так как институциональная рефлексивность проникает сейчас, в сущности, во все стороны повседневной социальной жизни, практически любой паттерн или привычка может стать аддикцией. Идея аддикции имеет незначительный смысл в традиционной культуре, где считается нормальным делать сегодня то, что ты делал вчера. Там, где существовала непрерывность традиции, и люди следовали определенному социальному паттерну так, как это было давно установлено, также

как и утверждено как правильно и уместно, вряд ли это воспринималось как аддикция; также и нельзя было заявлять об особых характеристиках самости. Индивиды не могли искать и выбирать, но в то же время и не имели обязательства анализировать себя в своих действиях и привычках.

В этом смысле, аддикции являются негативным показателем в той степени, в которой рефлексивный проект самости занимает центральное место в поздней современности. Это те модели поведения, которые, быть может, очень важным образом вторгаются в этот проект, но отказываются соответствовать ему. В связи с этим, все становится вредным для индивида, и легко понять, почему сейчас проблема их преодоления так часто обсуждается в терапевтической литературе и литературе по социальным и поведенческим наукам. Аддикция – это неспособность планировать будущее, и как таковая отвлекает индивида от основных проблем, с которыми он теперь рефлексивно должен справляться" [7. С. 75–76].

Данные работы Э. Гидденса важны, прежде всего, тем, что представляют собой логическое продолжение сильной стороны теории структурации – а именно "предпринятой в ней попытки введения субъективного измерения социального опыта в анализ социальных институтов" [8. С. 146]. По мнению Д. Лэйдера, "существует естественное сходство между психологически полноценным, завершённым видением личности и акцентированием значимости разного рода навыков, сознательности и компетентности (*knowledgeability*) личности" [8. С. 146].

Отметим, что предпринятый в поздних работах Гидденса анализ "микросоциологической" проблематики примечателен в двух отношениях. Во-первых, он наглядно демонстрирует возможности теории структурации в решении эмпирических проблем социальной реальности. Во-вторых, хотя такая демонстрация осуществляется в отношении "микрофеноменов" в ней явным образом присутствует соотнесённость последних с явлениями "макроуровня". Таким образом, можно утверждать, что Э. Гидденсу удаётся преодолеть "интерпретативную" предрасположенность теории структурации.

Как же реализуется подобная теоретическая программа на уровне эмпирического исследовательского проекта? Для ответа на этот вопрос обратимся к позиции Д. Смит.

Особенность позиции этого социолога канадского происхождения состоит в том, что, базируясь на множественных теоретических основаниях (например, марксизме, этнометодологии, символическом интеракционизме), Смит пытается построить социальную теорию нового типа, учитывающую особенности женского опыта. Важнейшим средством построения такой теории является контекстуализация процесса анализа и описания социальной реальности, что, в свою очередь, предполагает не только использование специфической исследовательской методологии, но также новации практик и форм презентации результатов исследовательской деятельности, а также трансформацию самого дискурса социальных наук. Одним из аспектов этого дискурса (который критикует Смит) является образ безличного, объективного социального учёного, дистанцированного от частностей реального жизненного опыта и использующего универсалистскую, генерализирующую терминологию. Эта идея маскирует тот факт, что социология, как и другие сферы профессионального опыта, – область доминирования мужчин, отражающая и выражающая их опыт. Одной из главных задач Дороти Смит, в этой связи, оказывается проблематизация мира повседневности (женского), т.е. выяснение способов, посредством которых повседневный мир, являющийся центром нашего опыта, организован более масштабными социальными процессами и привязан к ним (а также как на него влияют и как с ним связаны локально организованные практики). Фактически речь идёт о том, как женский опыт (взятый с точки зрения женщины) организуется в контексте более широких социальных и политических отношений. Женщины в основном исключены из отношений властвования (*relations of ruling*). Отношения властвования – это структурированные формы власти, организации и регуляции, существующие в современных обществах. Посредством отношений властвования властвующие группы удерживают и воспроизводят свои доминирующие позиции.

Д. Смит говорит: "Я использую здесь ... подход социологии инсайдера, т.е. систематически развиваемое познание общества изнутри, отвергающее искусную выдумку, которая помещает нас вне того, вне чего мы находиться не можем. Начиная оттуда, где в самом деле помещен субъект, мы возвращаемся в социальный мир, возникающий и познаваемый через и благодаря актуальным, продолжающимся действиям реальных людей. Здесь нет контраста между мыслью и практикой. Мысль, социальные формы сознания, вера, знание, идеология, являются ... социально организованной практикой, поскольку они происходят в реальном времени, в реальных местах, используют определенные материальные средства и происходят при определенных материальных условиях" [9. С. 39].

Однако такой призыв не означает переход на субъективистские позиции, "скорее это значит работать, исходя из той познавательной позиции, которая является первичной по отношению к дифференциации субъективного и объективного. Это означает экспликацию реальных практик, в которых мы действуем. Это означает обращение к первичной материальности текста как к существенно важному моменту в переходе от локально воплощенного к дискурсивному. Следовательно, исследуя, как социология смонтирована и организована через действующие практики, в которых мы участвуем, и которые организуют наши собственные практики, мы также включаемся в рефлексивное исследование и критику того, что мы умеем делать и делаем". Проблематизация социологии с позиций повседневности реализуется и в ситуации контакта социолога с эмпирической реальностью. Так, контекс-

туализируются не только результаты исследовательской деятельности. В эти результаты, в качестве необходимой компоненты встраиваются существенные черты исследовательского процесса (причём это делают не только представители феминистской социальной теории, но и социологического мэйнстрима, такие как У.Ф. Уайт и Э. Кэмпбелл). В исследовательских текстах сохраняются особенности речи информантов. Последние могут принимать участие в редактировании текстов и, во всяком случае, санкционируют их издание. Диалог с информантами и присущим им знанием осуществляется и во время полевого этапа. Так, интервьюируя женщин в исследовании, посвящённом семейной проблематике, Э. Окли также отвечала и на их вопросы, относительно собственного опыта семейной жизни, кроме того, как указывает Смит, исследователь мог устанавливать с информантами дружеские отношения, которые сохранялись продолжительное время после интервью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. — University of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1984—1986. — 402 p.
2. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. — Polity Press. Oxford (UK) and Cambridge (MA), 1987—1997. — 310 p.
3. Giddens A. New Rules of Sociological Method: a Positive Critique of Interpretative Sociologies. Second Edition. — Polity Press. Oxford (UK) and Cambridge (MA), 1997. — 188 p.
4. Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
5. Якимова Е.В. Гидденс Э. Конституирование общества: очерк теории структурации // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник. — М.: Наука, 1995. — 155 с.
6. Гидденс Э. Элементы теории структурации // В кн.: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. — 120 с.
7. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. — Polity Press. Oxford (UK) and Cambridge (MA), 1992. — 212 p.
8. Layder D. Understanding Social Theory. Sage. — London, Thousand Oaks and New Delhi, 1994. — 230 p.
9. Smith D. Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy // In R.A. Wallace (ed.), Feminism and Sociological Theory. — Newbury Park, CA: Sage, 1989. — P. 34—64.

УДК 111.1:159.953